

АЛМАЗНА СЫПЛЕТСЯ ГОРА

Всяк мало-мальски образованный не только северянин, но просто русский человек, где б он ни жил, пусть и не бывал у нас никогда, но наш Кивач видит глазами, естественно, Г.Р.Державина: «Алмазна сыплется гора с высот четырьмя скалами...» (кстати, у нашего современника таковых меньше: «Три каменных ступени Кивача...») Описал водопад – куда было деваться! – и другой тогдашний, но уже заезжий поэт Ф.Н.Глинка. В его поэме «Карелия» упомянут целый ворох мест, и Суны, понятно, обойти вниманием тоже было нельзя: «По Суне плыли наши челны...», а затем: «Но что шумит?.. Кивач! Кивач!... Кипя над четырьмя скалами...»

«Я проезжаю мимо Волхова домой, на станцию Кивач...», «Только очутился в Кондопоге, лишь сошел на станции Кивач...» В этих строках поэта **Павла Руденко**, жившего и творившего в Кондопоге в годы, когда этот, по его выражению, «комсомольский городок, еще только строился (1930-е), и его железнодорожная станция еще не имела «городского» названия, а звалась «по старому» – именем здешнего водопада. Кстати, этому, для нас уже историческому, автору была памятна и «Вахта мира, и воскресник, И концерт у Кивача...» Уже неизвестная для нас страничка истории...

В 1970-х годах петрозаводский поэт **Борис Шмидт** писал своему товарищу-поэту города на Неве Михаилу Дудину (они оба по происхождению и воспитанию ленинградцы, оба – участники Великой Отечественной), зовя в гости: «Прилетай – не пожалеешь! Для здоровья, друг, не худо ж на Кивач махнуть, в Кижи. Иль с ружьишкой двинем в Пудож поплутать в лесной глуши. Пожелаешь – баня будет...» Ну, и далее все – про нашу северную баню.

Если для В.Сергина две «местные» реки – это Суна и Шуя, то для **Ивана Костина** – речки помельче: «Среди лесов течет неслышно Нива... А рядом, за тремя холмами – Лижма...» У Александра Сумбаева свои дорогие сердцу (и по жизни) места: «Тесть собрался на рыбалку... Дождь Пяозеро полощет... С тестем ягоду морошку на «Днепре» везем в лукошке... Нет, гораздо проще в Гирвасе у тещи...»

Москвич, но когда-то житель нашего края **Игорь Котин** почти подчеркнуто сторонник «национальных» брендов: «Кивач. Гремучий грохот Суны. Камней влекомых грозный звон. Звук кантеле, чьи струи – струны, **Протея** пойманного стон». Протей – это морское божество в древне-греческой мифологии. И дальше: «Клок бороды взбит белой пеной...» Неожиданный взгляд на легендарный водопад-падун.

Наш современник **Александр Сумбаев** уже грустно-шутлив и по-теперешнему чуть фамильярен: «Конец апреля. Гирвас. Водосброс. Державин где ж? Пегас его унес! На Киваче? Гони сюда, Гаврила! Увековечь! Воспой!...»

А для юной нашей современницы **Анастасии Миловой** все одно: «Не смогли обуздать и запрячь непокорный, бурлящий Кивач...» И сам он, упрямо по-державински – «как поток из алмазов...»

Владимир СУДАКОВ

С ВЫСОТ ЧЕТЫРЕМЯ СКАЛАМИ

Гавриил ДЕРЖАВИН

ВОДОПАД (Отрывок из оды)

Алмазна сыплется гора
с высот четыремя скалами,
жемчугу бездна и серебра
кипит внизу, бьет вверх буграми;
от брызгов синий холм стоит,
далече рев в лесу гремит.

Шумит – и средь густого бора
теряется в глуши потом;
луч чрез поток сверкает скоро;
под зыбким сводом древ, как сном
покрыты, волны тихо льются,
рекою млечною влекутся.

Седая пена по берегам
лежит буграми в дебрях темных;
стук слышен *млатов* по ветрам,
визг пил и стон мехов подъемных:
о водопад! в твоём жерле
все утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны поражены? –
ломаются в тебе куски;
громами ль камни отторженны? –
стираются тобой в пески;
сковать ли воду льды дерзают? –
как пыль стеклянна ниспадают.

Волк рыщет вокруг себя и, страх
в ничто вмения, становИтся;
огонь горит в его глазах,
и шерсть на нем щетиной зрится;
рожденный на кровавый бой,
он воет, согласясь с тобой.

Лань идет робко, чуть ступает,
вняв вод твоих падающих рев,
рога на спину приклоняет
и быстро мчится меж дерев;
ее страшит вокруг шум, бурь свист
и хрупкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
храня, к тебе порой идет;

крутую гриву, жарку морду
подняв, храпит, ушми прядет;
и, подстрекаем быв, бодрится,
отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
при страшной сей красе природы,
на утлом пне, который свис
с утеса гор на яры воды,
я вижу – некий муж седой¹
склонился на руку главой.

Копье и меч, и щит великой,
стена отечества всего,
и шлем, обвитый повиликой²,
лежат во мху у ног его.
В броне блистая златордяной,
как вечер во заре румяной, –

сидит – и взор вперя к водам,
в глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
сей водопад изображает? –
он также блеском струй своих
поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
кипит стремление страстей,
честь блещет, слава раздается,
мелькает счастье наших дней,
которых красоту и радость
мрачат печали, скорби, старость?

.....
Сошла октябрьска ночь на землю,
на лоно мрачной тишины;
нигде я ничего не внемлю,
кроме ревуция волны,
о камни с высоты дробимой
и снежною горою зримой.

Пустыня, взор насупя свой,
утесы и скалы дремали;
волнистой облака грядой
тихонько мимо пробегали,
из коих трепетна, бледна
проглядывала вниз луна.

.....

---

¹ Некий муж седой – русский полководец П.А.Румянцева.

² Повилика – вьющееся растение как символ любви к родине.

***Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, цветна порфира,
коль правду возлюбили вы,
когда имели только мету,
чтоб счастье доставить свету.***

Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
увеселяй и слух и взгляд
твоим стремленьем светлым, звучным
и в поздней памяти людей
живи лишь красотой твоей!

Живи! – и тучи пробегали
чтоб редко по водам твоим,
в умах тебя не затмевали
разжженный гром и черный дым;
чтоб был вблизи, вдали любезен
ты всем; сколь дивен, столь полезен.

И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща,
о Суна! коль с высот блистать
ты можешь – и, от зорь горяща,
кипишь и сеешь дождем
сафирным, пурпурным огнем, –

то тихое твое течение –
где ты сама себе равна,
мила, быстра и не в стремленье,
и в глубине твоей ясна,
важна без пены, без порыву,
полна, велика без разливу,

И без примеса чуждых вод
поя златые в нивах бреги,
великолепный свой ты ход
вливаешь в светлый сонм Онеги –
какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

КАРЕЛИЯ, ИЛИ ЗАТОЧЕНИЕ МАРФЫ
ИОАННОВНЫ РОМАНОВОЙ

Федор ГЛИНКА

ВОДОПАД
(Отрывок)

(Монах рассказывает Марфе Иоанновне о
прибытии своем в Карелию.)

По Суне плыли наши челны,
под нами стлались небеса,
и опрокинулись в волны
уединенные леса.
Спокойно все во влаге светлой,
была окрестность в тишине,
и ясно на глубоком дне
песок виднелся разноцветный.
И за грядою серых скал
прибрежных нив желтело золото,
и с сенокосов ароматом
я в летней роскоши дышал.

Но что шумит?.. в пустыне шепот
растет, растет, звучит, и вдруг
как будто конной рати топот
дивит и ужасает слух!
Гул, стук!.. Знать, где-то строят грады!
Свист, визг!.. Знать, целый лес пилят!
Кружатся, плещут звезд громады,
и вихри влажные летят
холодной, стекловидной пыли.
Кивач! Кивач!.. Ответствуй, ты ли?..
И выслал бурю он в ответ!..
Кипя над четырьмя скалами,
он с незапамятных нам лет,
могучий исполин, валами
катит жемчуг и серебро;
когда ж хрустальное ребро
пронзится горными лучами,
чудесной радуги цветы
его опутают, как ленты;
Его зубристые хребты
блестят – пустыни монументы.

Таков Кивач, таков он днем!
Но под зарею летней ночи
вдвойне любуются им очи:
как будто хочет небо в нем
на тысячи небес дробиться,

чтоб после снова целым слиться
внизу, на зеркале реки...
Тут буду я! Тут, жизнь, теки!..
О счастье жизни сей волнистой!
Где ты – в чертоге ль богача,
в обетах роскоши лесистой
под вечным шумом Кивача?..»
1830

Дмитрий ЯГОДКИН*

* * *

В Олонии, на Суне, речке горной,
шумит Кивач – то шумный водопад.
Кивач волною, бурной и упорной,
пробил себе простор
среди каменных преград...
Бушующий Кивач
красив для взора
особенно весной,
когда растает снег...

Ялмари ВИРТАНЕН

* * *

От кандалакшских скал горбатых
до ладожской волны крутой
моя Карелия богата
гранитом, лесом и водой.
Гляди: уж поднята высоко
плотина Кондопожской ГЭС,
чтоб заменить лучину током,
чтоб выросли заводы здесь.

---

* Дмитрий Павлович Ягодкин, кандидат богословия, преподаватель епархиального женского училища. Сб. «Песни победителей», П-ск, 1905.

Так электричеством и сталью
разбужен этот край земли.
Когда бы деды наши встали,
его узнать бы не смогли.
Поет Кивач в бору сосновом
о том, как труд оковы рвет
и как шагает к жизни новой
свободной Похьелы народ.

1927

*Перевод с финского О.Мишина
«Избр. стихи», П-ск, 1973.*

Петрусь БРОВКА

* * *

Гляжу я,
не в силах восторга скрывать:
живая картина –
суровый Кивач!
С гранитных обрывов,
где высится лес,
слетает он в пене,
как сокол с небес.
Дорогу ему
нелегко пробивать;
он крылья ломает,
и рвется опять.
Он бьется о камни
и спорит с рекой
Над ним наклонились
сосны гурьбой,
как будто послушать
в тревоге хотят,
о чем говорит
и гремит
водопад.

«Младшим школьникам о Карелии», П-ск, 1970

РЕКА СУНА

Я пришел к тебе, родная,
в день осенний поклониться
и услышать водный грохот,
гул реки, гуденье леса.
Тяжело вода крылами,
пролетает ворон-птица,
падуны в свирепой пене
глухо падают с отвеса.

За тобой стоит угрюмо
неподвижный лес еловый.
Белые, как снег, березы
звонким золотом одеты.
В громовом твоём молчанье
не могу промолвить слова.
Здесь неслышными шагами
ходят пращурь и деды.

Темных вод твоих теченье
красной крашено рудою,
та руда кормила жерла
молодых петровских домен.
Бревна красные несутся
к водопаду чередою,
и стоит над водопадом
запах смол и мокрых бревен.

Ты течешь, сверкая тускло,
и, прозрачная на сгибе,
замирая на мгновенье,
бьешь в гранитное корыто.
Сотни радуг осеняют
водяных потоков гибель,
и гудят, не умолкая,
первородные граниты.

По краям твоим нависли
неподвижные заломы, –
там стволы сошлись, сцепились,
словно в судороге смерти.
Но бегут стволы другие
в радуге седого грома,
наклоняются, ныряют,
исчезают в круговерти.

Поднимаемые с маху
белопенными руками,
бревна мачтовые блещут
и свергаются в буруны,
стояком взлетают в небо,
ударяют в дикий камень
и вздыхают над водою,
как натянутые струны.

В берегах твоих сокрыты
древних прадедов могилы.
Ты веками пробивала
первозданные породы,
ты веками выносила,
накопила, сохранила
всю стремительную силу
непокорного народа.

Богатырский старый Север,
синь небесная густая,
край озерный, край дремучий,
край отцов, гранит валунный.
Золотые тучеходы,
облаков лебяжьих стая,
прилетающая с моря
к берегам холодной Сунны.

Здесь молчит лесов полночных
непреклонная громада,
и поет родимый ветер –
ветер сказок говорливый.
Пор-порог, Кивач и Гирвас –
Три суровых водопада,
словно вздыбленные кони,
грозной встряхивают гривой.

Я клянусь тебе, родная, –
кровь моя – моя порука, –
ветром северным, и камнем,
и пучиною седою, –
сохранить твое стремленье
и, терпя любую муку,
петь глубоко и тревожно,
словно скалы под водою.

Я, твой сын, и внук, и правнук,
слышу скал гранитных стоны.
Ты, крутясь, тремя прыжками
пенную кидаешь воду.
Порожденные старинным
материнским чистым лоном,
из глубин твоих восходят
песни нашего народа.
1940

*Изб. пр-я в 2-х тт. Т.1 Стих-я, М.,
ГИХЛ, 1956.*

Яакко РУГОЕВ

* * *

Слушал Вочаж и думал над
Юмой,
видел Гирваса пенистый прах,
содрогался от гулко-го шума
кумских вод, что зажаты в горах.
Но до этой минуты не ведал
чуда, равного Кивачу.
Только нашей природе, наверно,
дива дивные по плечу.

Сколько силищи этой глубинной
отдал нам он, седой водопад,
но ревет еще грозно лавина,
блики солнца на гребнях кипят.
Я гляжу, как над лесом плеснуло
полукружье огней в вышине,
и, рождаясь из света и гула,
снова силы бунтуют во мне.
1962 г.

Перевод с финского М.Тарасова

КИВАЧ

Мощью Вочажи, силою Юмы
не однажды пленяться я мог,
навевали высокие думы
белый Гривас и Кума-порог.
Взять для песни слова мне откуда,
чтоб воспеть несравненный Кивач,
—
в снежной пене, как в кружеве,
чудо,
по камням летящее вскачь...

И хоть силу наполовину
отдал он, чтобы стало светло, —
мчит Кивач, выгнув яростно
спину,
словно бы вдохновенье сошло.
Вечна радуга над водопадом, —
будто рядом со мной, у плеча...
Молодею перед крылатым
я неистовством Кивача.
*Сб. «Озера», М., «Современник»,
1976.
Избр. пр-я, М., «ХЛ», 1988.*

Перевод с финского О.Шестинского

Павел РУДЕНКО

* * *

Б.А.Шмидту

Мы стоим у водопада Кивача.
Бьется пенная громада, клокоча.
Нам бы дух и мощь в наследство —
Кивача.
Пусть же будет песня сердца
горяча!

* * *

Водопад с высокой кручи
словно ринулся в полет, –
дикий, вспененный, кипучий, –
весь в стремлении вперед!

И к подножью водопада
приходил рабочий люд,
приходил, как будто надо
почерпнуть водицы тут.

Только черпал не водицу:
ну, к чему была вода?
И не только подивиться
приходили мы сюда.

Мы глядели на каскады,
мы глядели на гранит, –
что упорством водопада
был исхлестан и пробит...

*Так народ в борьбе купучей
все препятствия сотрет, –
грозный, пламенный, могучий,
весь в стремлении вперед!*
1931

Рейё ТАКАЛА

ВОДОПАД

Я помню, как передо мной
ты падал с высоты
и как швырял с волной стальной
на ребра скал плоты.

Как тщетно силился валун
сдержать воды напор,
и басу твоему, *надун*,
послушный вторил бор.

Как падали стволы деревьев
в зеленый мрак глубин...
Теперь шумишь ты, присмирив,
на лопастях турбин.

И мчатся тыщи солнц твоих
по проводам в тайгу,
и люди зажигают их
на дальнем берегу.

Сб. "У твоего причала", 1982

Алексей ТИТОВ

ПАДУН

Навис орлиным над рекой крылом
седой гранит, подточенный веками,
вода течет расплавленным стеклом,
она дробится,

как стекло, на камне.

Вода грохочет, пенится, бурлит,
искрятся брызги и летят в стремнину.
В немолчном гуле воедино слит
гром орудийный с клетотом орлиным.
Быть может, этот яростный падун
воспет народом в рунах «Калевалы»...
Звенело кантеле,
и в переборы струн
вплетался стон воды, зажатой в скалы.
Здесь, моет быть, задумчивый карел,
о горькой доле складывая песни,
на водопад стремительный смотрел,
мечтал о Сампо –

мельнице чудесной.

В лучах дымился пенистый каскад;
и век от века, искрами сверкая,
на человека злился водопад,
бесплодно силу в бездну низвергая.
...Был труден бой с неистовой водой:
падун ревел и грохотал, и злился,
но все ж смирился, грозный и седой, –
и край лесной огнями озарился.

Алексей АВДЫШЕВ

* * *

Кружевны кипящие буруны,
бьет поток, дробясь о валуны.
Кантеле серебряные струны
слышу в плеске северной волны.
Вниз – воды громада устремилась,
бешено в порогах клокоча,
и береза русская склонилась
над бурливой мощью Кивача.

Роберт ВИНОНЕН

* * *

Уже Кивач себе не равен.
Прикосновением пера
не уберег его Державин:
Алмазна сыплется гора...

Ныряют бревна, меркнет слава –
поток, навеявший строку,
теперь участник лесосплава.
Не до алмазов старику.

Печальна старость водопада!
Куда было девался рост?
А ведь округа грохотала
на добрых восемьдесят верст.

К тому ли все, что смолкнет эхо,
обсохнет стершийся гранит –
и лишь метафора поэта
глаза прищельцу увлажнит?

Сб. «Ревность ветра», М., 2003.

* * *

Клубилась, пенилась могучая вода,
и скалы влажные от грохота дрожали!..
Не в бездне ль канули те давние года,
когда им восхищался сам Державин?!
Кивач взрывали – для сплавных работ,
и русло деревянное рубили,
его и так и сяк потом кроили,
плотины ставили и воду отводили –
для нужд хозяйственных
и для иных забот...

Старик, старик, теперь мороз любой
насквозь твое прохватывает тело,
и по щеке скользят оледенелой
скупые капли влаги голубой.

И только по весне ты чуть встаешь,
приподымаешься
и падаешь с обрыва
и медленно, с волнующим надрывом,
былую песню снова запоешь.
Но снег сойдет и паводок сбежит,
и вновь – видны все каменные мощи...
Вода лениво край скалы полощет
и в дальнюю дорогу не спешит.

СУНА И ШУЯ

И ровесницы – Суна и Шуя,
и соперницы – мчат к Онего,
обгоняя друг друга, бушуя,
ушибаясь о камни с разбега.

У одной характер строптивый,
и труднее ее дорога:
то срывается вниз с обрыва,
то вздымается на порогах.

У другой пороги не часты
да разливы спокойней, шире –
видно, так понимает счастье:
быть разумнее в этом мире.

Так и мчатся, обе – пригожи,
сила – давняя,
стать – молодая.
Только тем они и похожи,
что волна у них –
голубая.

СУНСКИЙ ПОРОГ

Выплывая из-за поворота,
огибая медленно мысок,
в каменные узкие ворота
Суна направляет свой поток.

Перед тем, как треснуть, раздробиться,
утонуть осколками во мгле,
все еще успеет отразиться
в голубом мерцающем стекле:

небосвод, сияющий и древний,
грань скалы над самою водой,
и вершины хвойные деревьев,
и нависший месяц молодой.

Все мелькнет на выпуклом изгибе,
а потом исчезнет в звоне брызг,
трещинами вспыхнет стая рыбы
наверху, что не решилась вниз...
И взлетает облако над кручей,
рушится и рушится вода,
словно в этой пропасти кипучей
вздумала исчезнуть навсегда.

* * *

Река текла и вдруг решилась –
и бросилась
с обрыва
вниз!

И словно новою явилась
из радужных, холодных брызг.
А то, что с нею вместе было:
и стадо волн, и стаи рыб,
остановилось и застыло, –
их разделял теперь
обрыв.

* * *

Река стремилась к озеру,
не ведая дороги,
летя через пороги.

Река стремилась к озеру,
разламывая льдины,
срывая все плотины.

Река стремилась к озеру
то быстро, суетливо,
то медленно, счастливо.

Река стремилась к озеру,
а озеро – молчало,
волну свою качало,
реки не замечало.

От самого истока
всей силою потока
река
    стремится
        к озеру!

Игорь КОТИН

* * *

Кивач. Гремучий грохот Суны.
Камней влекомых грозный звон.
Звук кантеле, чьи струи – струны,
Протея пойманного стон.

Клок бороды взбит белой пеной,
сквозь грохот слышен громкий плач.
Пусть куролесит, но из плена
его не выпустит Кивач.

Конкурс московского землячества, май 2010

* * *

Не смогли обуздать и запрячь
непокорный, бурлящий Кивач.
И кипит над камнями
освещенный лучами,
как поток из алмазов – Кивач

Сб. «Лирическая Вишина», П-ск, 2008

ОДНО ИЗ САМЫХ ЯРКИХ СОБЫТИЙ...

«На другое же утро удалось уехать на реку Суну. С этого момента началось настоящее. У реки (близ полустанка) мы познакомились с крестьянами – парнями из ближней деревни (верст 12) Вороново. Они приезжают работать ежедневно (ремонтируют пути). Взялись везти нас на Кивач, а по дороге показать свою деревню. Здесь мне впервые довелось увидеть великолепно срубленные, умело распланированные дома-избы. На мои ахи перед затейливыми наличниками и резьбой «балкона» крестьяне отвечали: «Это еще что, вы не думайте – можем и лучше сделать, да досугу мало (молодежь уходит на железную дорогу) и денег мало».

Поездка на Кивач ночью, среди глухого леса, в тишине (шум от водопада слышен за пять верст и постепенно усиливается) – одно из самых ярких событий в моей жизни. Наши новые знакомые-друзья проявили исключительное рвение, чтобы показать свой край и свой художественный вкус в наилучшем виде. Но поездка трудная: лодку тащили волоком, вели ее, как бурлаки, мастерски проскальзывали через пороги и так далее. Кивач великолепен (я видел его на восходе солнца и ясным днем). Описать трудно. Державин ухватил главное в своем стихотворении.

С Кивача мы отправились обратно к линии мурманской дороги (опять на лодке по пышноводной Суне среди зелени) и оттуда на север в направлении к Повенцу. Верстах в 20 от последнего есть благословенное местечко Медвежья Гора – залив с песчаным пляжем, окруженным темными лесными возвышенностями и склонами, усеянными гранитом, мрамором и прочими всевозможными каменными породами. Это железнодорожный поселок. К сожалению, местный буфет (с пауком-буфетчиком), где служащие поклоняются пиву...»

Из доклада композитора Б.В.Асафьева в Наркомпрос РСФСР о поездке в Онежский край летом 1925 года («Карелия», 13.05.2004, №50. С.14). Доклад хранится в Государственном архиве РФ

Автор подборки текстов В. Судаков